

ОСВОБОЖДЕНИЕ ГОМЕЛЯ

ГОМЕЛЬСКО-РЕЧИЦКАЯ ОПЕРАЦИЯ

Строительство моста через р. Сож у Гомеля. Ноябрь 1943 г.

Цифры и факты

➤ Гомельско-Речицкая операция продолжалась с 10 по 30 ноября 1943 года.

➤ Осуществлялась войсками Белорусского фронта под командованием генерала армии К.К. Рокоссовского — 761300 человек. В операции принимали участие армии: 50-я (генерал-лейтенант И.В. Болдин), 3-я (генерал-лейтенант А.В. Горбатов), 63-я (генерал-лейтенант В.Я. Колипакич), 48-я (генерал-лейтенант П.Л. Романенко), 65-я (генерал-лейтенант П.И. Батов), 11-я (генерал-лейтенант И.И. Федюнинский), 61-я (генерал-лейтенант П.А. Белов), 16-я воздушная (генерал-полковник С.И. Руденко).

➤ Красной Армии противостояли 2-я армия, часть сил 9-й и 4-й армий немецко-фашистской группы армий «Центр» (генерал-фельмаршал Г. Клюгте).

➤ В ходе операции была прорвана оборона противника в полосе шириной 100 км, глубина прорыва — 130 км. Были освобождены Речица, Корма, Кричев, Чериков, Пропойск (Славгород) и другие крупные населенные пункты.

➤ В операции по освобождению Гомеля погибли 21650 бойцов, командиров и политработников, 66556 получили ранения и контузии разной степени тяжести.

➤ Активное участие в операции приняли народные мстители Гомельского (генерал-майор И.П. Кожар) и Полесского (полковник И.Д. Ветров) партизанских соединений.

➤ За отличие в боях при освобождении Гомеля почетные наименования «Гомельских» получили 23 соединения.

➤ 18 ноября 1943 года — день освобождения Речицы. 26 ноября 1943 года — день освобождения Гомеля. Город находился под оккупацией 822 дня.

Гостиница «Савой» (старый универсам по ул. Советской) после освобождения.

Фото из архива Гомельского краеведческого музея.

Ночь освобождения

В воспоминаниях участников событий ноября 1943 г.

Софья Васильевна ОСИПКОВА, бывшая подпольщица:

— Новобелица тогда уже была полностью свободна. Здесь разместилось правительство республики, командный пункт Константина Рокоссовского на бывшей Пролетарской (сейчас Севастопольская). А мы, комсомольцы, первым делом начали собирать детей-сирот. Тогда в лесу столько ребятни блуждало. Я с делегацией отправилась к Рокоссовскому просить, чтобы освободил для размещения детей командный пункт. Согласился, а сирот принял на армейское довольствие. После этого мы взяли восстанавливать школу №2. Кстати, она оказалась первой, начавшей работать в Гомеле после освобождения. 25 ноября мы разошлись поздно вечером: парты устанавливали, стулья сбивали, а до этого в карьер за мелом ездили, чтобы на доске было чем писать. Только заснула, ко мне ребята врываются. На дворе час ночи. Они меня растормошили: «Гомель свободен!». Мы, конечно, были счастливы. Меня ребята подхватили на руки, так и понесли в школу. Там мы отыскали красное полотнище и уже все вместе с молодежью, ребятней пошли на центральную площадь. Все черным-черно, в дыму: немцы, когда уходили, обливали дома керосином и поджигали. Но праздничный митинг мы все-таки провели. Плакали, поздравляли друг друга, бросали в воздух шапки. Ведь столько все пережили...

Семен Федорович ШАКАРОВ, партизан 10-й Журавичской партизанской бригады:

— Небось, страшно было воевать в 16 лет-то? — спросила я у Семена Федоровича Шакарова.

— Сейчас бы испугался, а тогда бесстрашное было поколение, морально подготовленное...

У партизана-разведчика Семена Шакарова вся семья была «из партизан» — брат, две сестры, шурин. Идеальный был парнишка, секретарь подпольной комсомольской организации. Закончил 9 классов и война началась. Не успел ни поучиться, ни поработать.

Перед вступлением в Гомель 10-я Журавичская бригада, в которой служил Шакаров, участвовала в освобождении Ветки. Шли со стороны Покалюбич пешком. Хоть и победители были, а устали, поистрепались, одежда была — одни лохмотья, обуви у некоторых не было. Население встречало их с восторгом, люди плакали...

Бои на подступах к Гомелю шли жестокие. Немцы дрались отчаянно, ни один дом без боя не отдавали. Город стоял в руинах, одни мертвые заводские трубы торчали, от домов — стены без окон. Вокзал был разрушен до основания. На площади Ленина стояли виселицы. А парк был усеян березовыми крестами. Такая была традиция у немцев — березовые кресты ставить над могилами. Много их было... От Гомеля до самого Довска вдоль дороги тоже по обеим сторонам стояли сплошными шеренгами кресты.

В Гомеле бойцы бригады пробыли всего один день. Очень устали: шли пешком 100 километров, повозки предназначались для раненых. Около фабрики «Полеспечать» в развалинах набросали соломы, сухих веток из парка натаскали, разожгли костры... Да какой сон — мороз, холодно... Расслабились малость да пошли на другой день на Журавичи. В 17 лет стал Семен Шакаров командиром отделения...

О боевом пути своей бригады Шакаров говорит с гордостью: 190 поездов и 2104 вагона пущено под откос, уничтожено свыше 130 танков и бронемашин, которые везли на платформах, разгромлено 96 фашистских гарнизонов и полицейских участков, перебито 2896 километров рельсов. На счету бригады 93 открытых боя, в которых уничтожено 9078 солдат и офицеров.

Вера Аверьяновна СИЛИНА, освобожденка:

Прожила в Гомеле всю войну. Ее одноэтажный домик с коммуналками в конце улицы Советской долго стоял после войны. Может, потому и уцелел он в войну, что маленький был. В 60-х годах на том месте возвели многоэтажку... — То, что близится освобождение, было видно из радиосводок, мы все ждали сообщений. В ночь с 25 на 26 ноября у нас вдруг проснулся лес Лобзник, стал бегать от кровати к кровати и подвывать. Мы включили свет, стали его успокаивать, а он был какой-то радостный, хвостом вилял. Я до сих пор думаю: неужели он что-то чувствовал?

Ближе к утру по дороге поехали тяжелые машины, я проснулась от грохота. Мне показалось, что колонна была очень большая. Потом в коридор выскочил соседский ребенок в одной майке и валенках и стал кричать: «Насы победили, насы победили!». Он разбудил весь дом. В этот же день к знакомым матери прибежал родственник, он участвовал в освобождении. Его не пустили в увольнение, так он сам бежал. Они все пришли к нам. Звали его Ваня Кацубо, был он очень худой, простуженный, но веселый. Дядя Коля у нас был инвалид, он принес самогон, разлил по стаканам и сказал тост: «Вы освободители, а мы освобожденцы.

Виктор Дмитриевич КУЧЕРЯВЫЙ, партизан отряда «Большевик»:

Перед операцией по освобождению Гомеля осуществлял разведку в окрестностях города. Возвращаясь в отряд, был схвачен немцами и после долгих пыток вместе со своим товарищем приговорен к расстрелу. К счастью, немецкая пуля лишь ранила юного партизана и ему удалось бежать. «В ночь на 26 ноября я находился в санитарном шезлоне на подъезде к Москве. В это время по радио и передали сообщение об освобождении нашего города, Москва салютовала ему залпами из артиллерийских орудий».

Петр Ефремович АЛЕКСЕЕВ: полковой разведчик:

— В те дни мы находились на пути к Жлобину, где немцы еще основательно удерживали свои позиции. Мы как взвод полковой разведки занимали свое место на наблюдательных командных пунктах. Так что новость об освобождении Гомеля, конечно же, застала нас именно там, и здорово встряхнула, такая вера в победу появилась — хотелось горы сворачивать. Ведь освобождать Гомель мы начинали с моего родного района — Новобелицы. Как сейчас помню, вошли в Новобелицу 10 октября, а там разруха страшная, пепелище. С улицы Свердлова полностью видна Ленинская (ныне Ильича) — ни одного дома не осталось. Глаз только останавливался на двух школах. Я, конечно же, бросился своих разыскивать: родных, жену. Мы с ней 27 июня расписались. Можно сказать, сразу, как услышали сообщение о начале войны, потому как знали друг друга с пятого класса. И месте прожили 63 года. А ведь ее мать тогда против была. Даже за стол не села, когда мы после ЗАГСа пришли. Но потом, конечно, все уладилось. А после Новобелицы нас направили на Ветку... Думаю, Гомель мог бы праздновать свое освобождение 11 октября. Тогда были все возможности вытеснить немцев из города полностью. Но Сталин отдал приказ о наступлении на Киев. Туда ушли основные силы. Только поэтому Гомель встречал свою победу 26 ноября.

На снимке: слева направо ветераны Д.М. Колодин, С.В. Осипкова, А.М. Макаров, С.Ф. Шакаров, П.Е. Алексеев на встрече, посвященной 58-й годовщине освобождения Гомеля.

Выпьем за это». Тогда слово такое было — освобожденцы. Я в тот день единственный раз в жизни увидела мать пьяной. Нашего батюшку сразу убило, в 41-м.

Еще помню, на афишной тумбе появились маленькие листовки с поздравлениями обкома партии. Они были величиной с открытку на плохой серой бумаге, но это была такая радость!

А потом в городе началась мирная жизнь, люди стали устраиваться на работу, ведь во время войны с этим была проблема. Моя мама устроилась в домоуправление, тогда там было много работы — учет жилья, разрушенных квартир, восстановление. Мы даже уголь сами разгружали с машин, я ходила маме по-

могать. Мужиков-то у нас мало было, пока с фронта не стали возвращаться. А сколько их калеченых было! Вдоль базара сидели сплошной стеной со своими костылями и медными кружками.

У нас в доме пустовала комната, там поселили двух офицеров. Они сделали скамейку во дворе. А через месяц после освобождения напротив нашего дома открыли булочную. Всю войну она была закрыта, и мы ходили за хлебом очень далеко. Там стали продавать и керосин. Это было настоящее счастье. Тогда зима холодная была, мне 17 лет было, я школу заканчивала, а носить было нечего. Но сколько было веры в светлое будущее! Сколько у людей было желания трудиться!